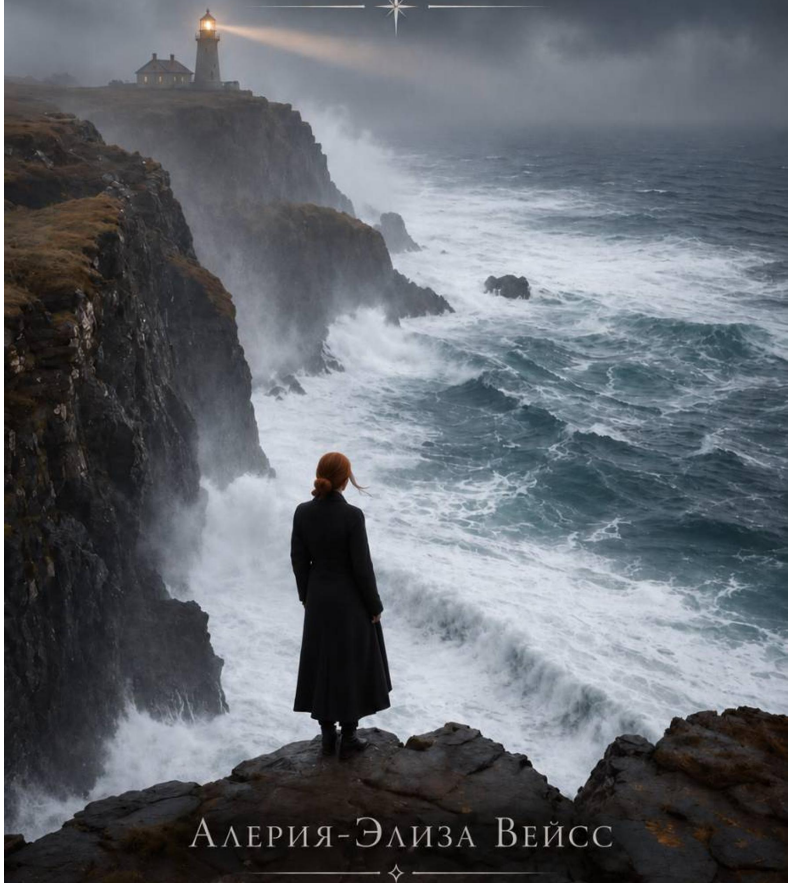

ВОСЬМАЯ ДВЕРЬ

АЛЕРИЯ-ЭЛИЗА ВЕЙСС

Алерия-Элиза Вейсс

Восьмая дверь

<https://litres.ru/74624738>

SelfPub; 2026

Аннотация

Веспер — островной город, отрезанный от мира Белым приливом, способным стирать человеческую память. От него жителей защищает маяк, свет которого поддерживают воспоминания. Их извлекают, хранят и изучают в Центральном архиве — месте, где человеческое прошлое превратилось одновременно в ресурс, документ и предмет государственного контроля.

Ханна Аттерсон, капитан Следственного отдела, привыкла доверять порядку, а не людям.

Конрад Хиггинс — специалист по мнемонической картографии, умеющий находить в чужой памяти то, что другие предпочли бы оставить забытым.

Когда-то Ханна и Конрад были близки. Теперь между ними много недосказанностей, чтобы просто начать сначала.

Всё меняется после смерти архивиста Орта Веллера. Его находят в закрытой изнутри комнате, куда не попасть обычному работнику Архива. Расследование вынуждает Ханну обратиться к Конраду и приводит их к следам процедур, которых официально

не существует; людям, забывающим тех, кого любили; странным упоминаниям о Восьмой двери.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Алерия-Элиза Вейсс

Восьмая дверь

Часть первая

Пролог. Человек за стеклом

Память — мокрый мел.

Свет стирает берега.

Море без имён.

Орт Веллер никогда не боялся темноты. По крайней мере, до этой ночи.

Она ничего не скрывала — лишь не показывала. Стоило зажечь лампу, и всё возвращалось на свои места: стены, мебель, собственные руки. Со светом Архива было иначе. Он выедал из предметов тени, делая каждую вещь плоской и незащитной.

Орт стоял перед служебным входом в закрытый сектор и смотрел, как белая полоса под дверью касается его ботинок. Подозрительно ярко для половины третьего.

В Центральном Архиве не существовало ночи. Даже когда город погружался во тьму и маяк медленно проводил лучом по крышам, здесь продолжали гореть потолочные панели, мигали индикаторы, в трубах шла охлаждающая жидкость. Здание дышало круглые сутки. Иногда Орт слышал это, сидя за своим столом: протяжный вдох в стенах, пауза, тяжёлый выдох из вентиляционной решётки.

Сегодня дыхание участилось.

Он оглянулся.

Коридор пустовал. Камера над лифтом была повёрнута к стене.

Орт провёл языком по сухим губам. Во рту оставался привкус успокоительного.

— Я пришёл, — объявил он негромко.

Ответа не последовало.

В правом кармане халата лежал маленький металлический ключ с потемневшими зубцами. В Архиве давно не пользовались такими вещами — двери узнавали отпечаток памяти, походку, температуру ладони. Ключ здесь выглядел предметом из детской сказки, в которой людям ещё разрешалось открывать то, что перед ними заперли.

Его передали Орту вечером.

Он помнил маленький шрам возле большого пальца незнакомца.

Лицо не запомнилось. Орт не мог сказать: не рассмотрел его или уже успел забыть.

В городе всё чаще случалось второе.

До Белого прилива оставалось двое суток, но по внешним стёклам Архива уже ползла молочная дымка. Она приходила с моря призрачными языками, прижималась к набережным, пробовала город на вкус и отступала.

Орт сунул ключ в неприметную скважину под панелью доступа.

Он ожидал сигнала тревоги, но ничего не было.

Замок щёлкнул так тихо, что Орт сперва решил: ему показалось.

Дверь поддалась, за ней оказался узкий технический проход. Здесь не было белых панелей и полированного камня. Грубые стены, трубы, осыпавшаяся известь. Воздух пах ржавчиной и тем сладковатым химическим раствором, которым промывали пластины воспоминаний перед долгим хранением.

Орт достал телефон.

Сеть не ловила. Экран показывал дрожащую полосу помех.

Он мог вернуться, закрыть дверь, положить ключ в карман, утром передать его начальству, рассказать о выключенной камере, о человеке без лица, о том, что три недели назад в каталогах появились карточки пациентов, которых официально никогда не существовало.

Ему поверили бы.

Нет, конечно.

Но он хотя бы остался бы жив.

Орт шагнул внутрь.

Дверь за спиной закрылась сама.

Проход спускался под уклон. С каждым шагом Архив становился старше. Новые трубы сменялись толстыми чугунами, под ногами вместо камня лежала мелкая плитка. Орт видел такую в лечебных корпусах, где работал в молодости.

Он старался не вспоминать. Приказ забыть что-либо действовал на память так же, как просьба не смотреть вниз. Сознание цеплялось за запрещённое место, вычищало пыль, открывало старые шкафы.

Белые кровати, кожаные ремни, отпечаток детской ладони на стене.

Орт остановился и прижал пальцы ко рту.

Он не думал об этом двадцать лет. Вернее, думал каждый день, но научился называть это иначе: работой, необходимостью, ошибкой прежнего руководства, допустимой ценой... Он менял слова до тех пор, пока за ними перестали проступать лица.

Последняя дверь была стеклянной. За ней находилось небольшое хранилище, похожее на кабинет врача. Металлический стол, картотечный шкаф, выключенные часы на стене.

Стрелки стояли на восьми минутах четвёртого.

Орт коснулся двери, и она открылась.

Внутри оказалось холодно.

Он подошёл к картотеке. Верхние ящики были пусты. Во втором, снизу, лежали восемь выцветших папок.

На первой карточке значилось:

Объект № 1. Нарушение интеграции.

На второй:

Объект № 2. Распад идентичности.

Третья была перечёркнута красным.

Орт перелистывал их всё быстрее. Четвёртый объект не узнавал собственное отражение. Пятый перестал говорить. Шестой пытался вернуться в корпус спустя семь лет, не помня зачем. Седьмой умер через девять часов после повторной процедуры.

Восьмая карточка оказалась практически чистой.

В графе имени стоял прочерк, ниже было написано:

Объект № 8. Севра. Устойчивая интеграция.

Орт сел.

Стул жалобно скрипнул.

— Нет... — выдохнул он.

Слово упало на пол и осталось там.

Он знал обозначение. Конечно, знал. «Севрой» называли искусственно созданную внутреннюю перегородку — слой личности, способный отделять одни воспоминания от других. Если вырезать связь не полностью, если оставить факты, но убрать чувство, севра не позволяла человеку развалиться.

Теоретически.

У детей теория работала хуже.

Орт вытащил карточку и перевернул.

С обратной стороны виднелся старый фотоснимок. Девочка лет семи сидела на больничной койке. Коротко остриженные волосы, синяк на подбородке, прямой тяжёлый взгляд. Она держала в руках металлическую кружку, но не пила.

Лицо было знакомым.

Орт не сразу понял, почему.

Потом до него дошло.

Его вырвало в мусорную корзину.

Он вытер рот рукавом, снова схватил телефон. Полоса помех стала шире. Сквозь треск доносился далёкий гул моря.

Орт нашёл нужный номер.

— Возьмите трубку, — прошептал он. — Капитан, возьмите...

Вызов не проходил.

Он набрал ещё раз, на экране появилось имя:

ХАННА АТТЕРСОН.

Шум усилился.

На мгновение Орту показалось, что из динамика донёсся детский плач. Затем связь оборвалась.

В потолке что-то щёлкнуло.

Часы на стене пошли назад. Секундная стрелка дёрнулась, отступила на одно деление, потом ещё. Минутная поползла следом.

Орт поднялся.

По краям стеклянной двери загорелись белые полосы.

— Нет...

Он бросился к панели, приложил ладонь. Система не ответила.

Белый свет беззвучно вытекал из щелей. Он растекался по полу и поднимался по ножкам стола.

Орт ударил кулаком в стекло.

— Откройте!

Телефон выпал из руки. Экран треснул, но имя Ханны осталось гореть.

Орт схватил со стола металлический держатель для карточек и провёл им по стеклу. Первый след вышел едва заметным. Он надавил сильнее. Ногти заскользили по холодной поверхности.

В

Рука тряслась.

О С Ь М А Я

Свет дошёл до колен.

Орт почувствовал, как из него вынимают день за днём. Не больно. Исчезло утро, когда он впервые увидел море. Исчез запах волос жены после дождя. Имя учителя. Комната, где родился сын.

Он видел всё это ещё секунду назад.

Теперь знал лишь, что когда-то видел.

Орт царапал стекло.

Н Е

Он вдруг забыл, что хотел написать.

В груди осталась паника, лишённая причины.

Кто такая Ханна?

Почему на экране её имя?

Он взглянул на фотографию девочки. Та смотрела в ответ.

Орт провёл остриём последнюю линию.

Д В Е Р Ь

Белый свет поднялся до лица.

Он успел подумать, что должен кого-то предупредить, потом исчез человек, который знал — кого.

Утром Орта Веллера нашли сидящим у стеклянной двери.

Комната оказалась заперта изнутри.

Глава 1. Комната без убийцы

Кашель из дверей.

Два года входят следом.

Покойник молчит.

* * *

Ханна не любила мёртвых за их склонность нарушать порядок. Живого можно было спросить. Он мог солгать, запутаться, умолчать, однако всё равно оставался участником

разговора. Мёртвый же превращал каждую мелочь в улику и одновременно лишал её объяснения. Почему расстегнул ворот? Зачем переставил стул? От кого прятал ключ? Его ли рвота в мусорной корзине?

Приходилось вести допрос, на котором отвечала одна только комната.

Орт Веллер сидел у стеклянной двери, слегка наклонив голову. Со стороны казалось, он задремал в неудобном положении и сейчас проснётся с болью в шее. Глаза оставались открытыми. Зрачки смотрели на царапины перед ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.